

Анджей Эмерик Маньковский, Сергей Котелко

Поляки с Бейкер-стрит в доме Боффо

Польская торговля зерном в Одессе на примере польской дворянской семьи Маньковских из Подолья

Несколько лет назад Анжей Эмерик Маньковский и ваш покорный слуга опубликовали здесь статью, рассказывавшую о профессоре нашего медицинского института Александре Федоровиче Маньковском. Сейчас мы бы хотели рассказать о других Маньковских, также непосредственно связанных с Одессой.

Многие наверняка знают, какой вклад внесли поляки в становление нашего города, – улица Польская существует на карте Одессы с начала XIX века. Польские помещики строили в Одессе первые дворцы – Потоцкие, Ржевусские, Собанские – поверили в молодой город с первых лет его существования. Они с самого начала развивали здесь хлебную торговлю, постепенно делая наш порт едва ли не главным портом империи. Были среди них и Маньковские – для нас, быть может, менее известная фамилия, надо этот пробел закрывать.

Кто же такие Маньковские? Александр Михайлович де Рибас (1856-1937), внук Феликса, брата адмирала Иосифа де Рибаса, в книге «Старая Одесса. Исторические очерки и воспоминания», не раздумывая, отнес одного из родоначальников подольской ветви семьи Маньковских Игнатия, или Игнация, как имя звучит по-польски, Маньковского (1739-1810) к числу польских *магнатов* (sic!), которые в 1792 году примкнули к Тарговицкой конфедерации и действовали сообща с российскими войсками против последнего польского короля Станислава Августа*. Де Рибас перечислил Игнатия Маньковского в одном ряду с та-

* Александр де Рибас, Старая Одесса. Исторические очерки и воспоминания. – Батуми, 1990, с. 310.

кими известными магнатами, как Станислав Щенсны Потоцкий и Ксаверий Браницкий.

Де Рибас в своей книге, опубликованной впервые в 1913 году, описывал и оценивал минувшие события по прошествии около ста лет. В то время он писал, что Маньковские ввиду своего имущественного положения принадлежали к узкому кругу общественной элиты Юго-Западной России, как тогда назывался этот регион. Сам Александр Михайлович де Рибас, предположительно, был лично знаком с двумя внуками Игнатия Маньковского – Вацлавом (1820-1905) и Эмериком (1826-1918), поскольку, вероятно, вращались они в одном и том же обществе Одессы и имели один и тот же круг знакомых. Таким образом, де Рибас, глядя сквозь призму своего опыта и знаний, расположил Игнатия, предка Вацлава и Эмерика Маньковских, очень высоко в социальной иерархии, хотя Маньковским до магнатов тогда еще было далеко.

Дворянская семья Маньковских принадлежала к польскому гербу Заремба и обосновалась на Подолье в начале XVIII века. Маньковские, равно как и многие помещицьи роды в истории Польши, воспользовались предоставляемым украинскими землями шансом обогащения и впоследствии повышения своего социального статуса. Добились они этого в экономических реалиях конца XVIII и XIX веков, когда простое приращение земель, характерное на этой территории в том же XVIII веке и проведенное к созданию больших состояний польских магнатов, ушло в прошлое. Теперь приходилось развивать сельскохозяйственное производство, торговлю и внедрять механизацию труда *в своих* поместьях. И в этом Маньковские достигли многого. Маньковским принадлежали обширные земельные угодья в Подольской губернии, дававшие превосходный урожай. Естественно, для процветания этот урожай надо было сбывать наиболее выгодным образом, и именно торговля через порт в Одессе была наилучшим решением.

Первые задокументированные связи семьи Маньковских с Одессой относятся к концу 30-х годов XIX века. Ян Леон Сенкевич из Калиновки** Киевской губернии в 1837 году побывал

** Ср. Jan Sienkiewicz, Wyprawa do Odessy Fragment z dziennika (19/7 sierpnia 1847 r.), в: Materiały do biografii, genealogii i heraldyki polskiej; źródła i opracowania, t. 5, Buenos Aires – Paryż 1971, s. 173.

в Одессе со своим зятем Адольфом Добровольским* и описал приятельский круг, в котором находился: «[...] был Смокрович**, Еловицкий, пани Литошинская с маленькой Маньковской***, сестрой жены Липковского, пребывающей здесь для окончания воспитания. Эти дамы также остановились в доме Млодецкого****. [...] У Смокровича пили водку и ели закуски, а потом пошли на обед, на который нас пригласил Млодецкий. На этом обеде были Липинские, Еловицкий, пани Витушинская и Маньковская, а также и Смокрович. Еще перед обедом Смокрович получил разрешение для Адольфа и 10-и человек проехать лодкой по морю до самого маяка в полутора милях от Одессы. [...] Сразу же после обеда, забравшись в повозку, поехали в порт. Две лодки с тремя парусами уже ждали нас у портовой дамбы. Экипажу сказали ехать прямо к месту у маяка, где высадить нас на берег, и сами, спустившись по неудобной лестнице, пустились во имя Бога в это плавание [...]».

В это же время старший брат Вацлава Маньковского – Теодор (1816-1855) – весьма успешно занимался в Одессе экспортом зерна. У Теодора, как сообщала матери его жена Богуслава, «так хоро-

* Адольф Добровольский (1796-1866) – выпускник Кременецкого лицея (1808-1816), секретарь князя Адама Ежи Чарторыйского. В 30-х годах в качестве представителя Банка Польского проводил торговые и кредитные операции в Бердичеве. В 1835 открыл там филиал банка. В 50-х годах занимался торговлей зерном в Одессе. Ср. *Polski Słownik Biograficzny*, t. V, Kraków 1939, s. 521.

** Ян Смокрович был выпускником Кременецкого лицея, затем учителем гимназии в Вятке и также профессором университета в Казани, ср. *Wspomnienia: Pamiętnik Franciszka Kowalskiego*, Warszawa 1859, s. 153. Генрик Каменский так пишет об известных ему «по большей части» профессорах из Вятки (1846): «Смокрович, меж них, хорошо играющий в шахматы, довольно плохо говорящий по-французски, но считающийся наилучшим учителем этого языка, к несчастью, чрезмерно любящий водочку». Ср. Henryk Kamiński, *Listy z zesłania, wstępem i przypisami opatrzył Tadeusz Kozanecki*, «Archiwum historii filozofii i myśli społecznej», 1968, t. 14, s. 117.

*** Речь идет об Августине Маньковской (род. 1823) – младшей сестре Кристины Маньковской (род. 1812) – жены Леона Липковского.

**** Игнаций Млодецкий (род. ок. 1800) – участник Ноябрьского восстания на Подолье, после поражения которого использовал кассу подразделения в сумме 500.000 рублей, с которой сбежал в Одессу, где якобы учредил банкирскую или хлебную контору и налаживал сотрудничество в Париже, Вене, Праге и итальянских городах. Арестован в 1838 году, приговорен к ссылке в Волгоград, откуда возвратился в 1842 году. Ср. *Stowarzyszenie Ludu Polskiego na Podolu, Wołyniu i w guberni kijowskiej*. Szymon Konarski, red. Magdalena Micińska, Warszawa 2009, s. 542. 73.

шо шли дела, что пишет, что имеет многим более, чем унаследовал от родителей, и то все наличными. [...] закупили в складчину с Владиславом Браницким***** пшеницу и выслали в Марсель 3 корабля, и на этом сейчас чрезвычайно (много. – А. М.) заработают».*****

В марте 1847 года Теодор, как пишет Богуслава в очередном из писем к матери, «[...] опять так занят своим состоянием, то есть капиталами, что у него полная голова, какое приданое получают дочери, и что сделать, чтобы (его. – А. М.) еще удвоить».*****

Получив в Одессе опыт в черноморской торговле, Теодор Маньковский с 1847 года пребывал в Лондоне. Прошение о натурализации в Англии подал 1 ноября 1848 года, и уже 11 ноября того же года получил британское подданство. В Лондоне Теодор учредил Хлебно-комиссионную контору «Теодор Маньковский и Ко», где был главным пайщиком. Проживал на Бейкер-стрит, 83, а Комиссионная контора находилась по адресу Треднидл-стрит, 2889. Компаньонами Теодора были Александр Маковский и Марсель Любомирский. Контора «Теодор Маньковский и Ко» должна была посредничать в торговле зерном, семенами, шерстью, древесиной, животным жиром, шкурами и др. между польскими помещиками из Подолии и Киевщины и емким английским рынком.*****

Польский историк Марек Мондзик подробно описывал торговлю зерном на Подолье, Волыни и Киевской губернии в первой половине XIX века: «Условия покупки и доставки зерна в Одессу заключались на «киевских контрактах», – куда одесские купцы отправляли так называемых комиссионеров.

«Киевские контракты» – торговый термин, возникший с 1798 года и обозначавший ставшие традиционными встречи польских землевладельцев Волыни и Подолья в конце XVIII – начале XIX века. Вначале их целью была продажа и покупка дворянских земель, а позднее «контракты» превратились в съезды продавцов зерна и производителей сахара. Коммерческие и финансовые

***** Граф Владислав Владиславович Браницкий (1826-1884), племянник Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой, урожденной Браницкой.

***** Biblioteka Uniwersyteku Adama Mickiewicza w Poznaniu (BUAM), Korespondencja Bogusławy z Dąbrowskich Mańkowskiej 1836-1837, List do matki z 7 marca 1847.

***** Там же, письмо к матери от 17 марта 1847.

***** Polski Słownik Biograficzny, t. XIX/4, z. 83, s. 524.

сделки проходили в салонах, театрах и на балах. На «контракты» съезжалось большое количество дворянства, купцов, помещиков и т. д., они традиционно начинались зимой, на Богоявление, и продолжались до февраля. «Контракты» были своего рода аналогом товарной биржи, и во время них обычно заключались наиболее крупные сделки.

Среди посредников в торговле зерном также были поляки. Принадлежали они, как правило, к числу тех, кто наиболее рано поселились в Одессе. Со временем образовалась немалая группа комиссионеров, потому что каждое большое поместье имело собственного доверенного посредника и собственный хлебный магазин в городе. Зерно транспортировалось на подводах, так называемых чумацких возах. В связи с тем, что шляхетские поместья не располагали в общем достаточным количеством собственного тяглогового скота, для перевозки зерновой продукции в Одессу приходилось пользоваться средствами передвижения, принадлежавшими крестьянам, что стало причиной образования в этих районах новой профессии – чумака. Простой конструкции воз с деревянными осями, запряженный парой волов, представлял, собственно, *единственное* транспортное средство. Несколько десятков подвод составляли так называемую чумацкую валку. Работа чумака оказывалась достаточно прибыльной, поэтому иногда конторщики и мелкопоместная шляхта брались за такое транспортное предприятие. Главным трактом, называемым Чумацким (Изяслав – Староконстантинов – Летичев – Винница – Немиров – Тульчин – Ольгополь – Балта – Ананьев – Севериновка – Одесса), непрерывно, особенно осенью, шел транспорт с зерном».* Современник Теодора Маньковского Александр Еловицкий вспоминал: «Проезжая по степи – постоянно встречаешь чумацкие валки, идущие с пшеницей и другим зерном нашим в Одессу или идущие к нам по пшеницу и водку».**

Лондонские дела Теодор вел в сотрудничестве с оставшимися на Подолье младшими братьями. 31 декабря 1848 года Василий Семенович Сотников (1788-1853), военный губернатор города

* Marek Mądzik, *Polskie inicjatywy handlowe w rosyjskich portach czarnomorskich na przełomie XVIII i XIX wieku*, Lublin 1984, s. 107-110.

** Там же.

И.К. Айвазовский. Чумаки в Малороссии. 1885 год

Каменец-Подольского и подольский гражданский губернатор в тайном письме к Бибикову^{***} передавал информацию относительно братьев Теодора: «[...] имею честь сообщить, что [...] Вацлав является предводителем шляхты Ямпольского уезда и владеет деревнями Моевка и Фелициановка, а Эмерик управляет деревней Боровка, где и проживает. Валериан Маньковский занимается торговлей, главным образом в Одессе, доставляя туда закупленное у здешних помещиков зерно. Хорошего поведения и в действиях его ничего предосудительного не отмечено».^{****}

Если речь идет о 50-х и 60-х годах, то подробной информации касательно экспорта зерна из Одессы, осуществляемого Маньковскими, в тот период нет. Известно только, что побережье

^{***} Дмитрий Гаврилович Бибилов, киевский военный губернатор, подольский и волынский генерал-губернатор, 1837-1852.

^{****} ЦДИАУК, ф. 442, оп. 738 (vel 798), д. 307: Дело о ходатайстве одесского купца 2-й гильдии Маньковского В. о выдаче ему заграничного паспорта для поездки по торговым делам в Англию и о выяснении его родства с Маньковским Ф., обвиняемым в принадлежности к Познанскому восстанию. 8 июля 1848 – 21 октября 1850 гг., л. 11 об.

КРУГЪ ДѢЙСТВІЯ И УСЛОВІЯ КОНТОРЫ

по свидѣтельству 1-й гильдіи

подъ зримомъ

В. МАШКОВСКІЙ

ВЪ ОДЕССѢ

на Таврической улицѣ докъ Бовы.

Судео-Коммиссіонная Контора «В. Машковскій въ Одессѣ» принимаетъ къ исполненію слѣдующія порученія:

а) По коммиссіонной продажѣ товаровъ.

1) Контора производить продажу въ Одессѣ всѣхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и фабричныхъ произведеній, высланныхъ въ Контору на комиссію, за счетъ и пріемъ товарохраненія.

2) За продажу продуктовъ, высланныхъ на комиссію, Контора беретъ отъ валовой суммы, выручаемой за товары 2% коммиссіонныхъ и 1% на расходы (пріема и экспедиціи товара, почтовые и проч.) что составляетъ въобщемъ 3% прокъ купца; мажорамъ $\frac{1}{2}\%$, при продажахъ изъ магазиновъ и одинъ процентъ при продажахъ съ наповалъ.

3) При выкупу товара на вынужденіи въ счетъ его стоимости, Контора производить по накладнымъ желѣзной дороги платевъ и всѣе расходы по пріему, храненію и сбытѣ токущую товару.

4) Цѣны за шесть магазиновъ, если таковыя потребуются для склада зерна и другихъ товаровъ, будутъ назначаться соответственно цѣнамъ существующимъ въ городѣ.

5) По желанію коммисіанта хлѣбъ его можетъ быть асирохованъ отъ огня, съ платою по 2 коп. съ четверти за каждые три мѣсяца, пока тарель этой платы не будетъ имѣться.

6) О каждомъ пріемѣ или продажѣ товара присланнаго на комиссію Контора уведомляеть товарохраненіемъ по почтѣ не позже слѣдующаго дня:—а фактура и причитающія товарохраненію деньги выставляются ему немедленно послѣ означеннаго расчесть съ получателями.

б) По Судамъ, авансамъ и оборотамъ денежнымъ и фондовымъ.

7) Контора доставляетъ продать и также судитъ подлѣ вліяніемъ товары и авансы по означеннымъ продуктамъ, высланнымъ на вынужденіи и доставленные прямо въ Одессу или же изъ одной желѣзнодорожной станціи, адресованные въ Контору. Пріемъ и авансы доставляются лицамъ вліятельнымъ судео-коммиссіонной 1-ой или представляющимъ достаточныя индустриальныя и личныя гарантіи. Лица не знакомыя, если желаютъ получить судео на продукты или товары еще неизвестныя въ Одессу, обязаны или обращаться къ вѣстному агенту Конторы, или же представить поручительство знакомаго Конторѣ благонамѣннаго лица, да крокъ того представить:—агенты свои контракты пріема, а вѣдующіе по довѣренности—свои довѣренности.

8) За кредитъ, вынуждъ, а также авансы дѣлаемые Конторою на означенные продукты или товары, Контора засчитываетъ комменту пріемѣ, за время пользования кредитомъ или авансомъ двумя процентами выше закона Одесскаго Коммерческаго Банка.

9) Получающій авансы на означенные продукты или товары крокъ срочныхъ векселей подопицаеть коммиссіонное обязательство на высылку тѣхъ продуктовъ или товаровъ.

10) Судео выдается только на вліятели продукты срочныя не болѣе 6 мѣсяцевъ и могутъ равняться двумъ третямъ стоимости продуктовъ, по цѣнамъ существующимъ до время заключенія займа.

11) Авансы дѣлаются въ слѣдующихъ размѣрахъ: на четверть пшеницы или ячменя съмѣна или же нудъ сахара равнаго по три рубля;—на четверть другихъ зерновыхъ хлѣбовъ или нудъ сахара лесу по два рубля.

12) Врека выдана авансомъ на зерновой хлѣбъ назначается отведенномъ сорѣзывающаго зерна, къ фондъ Иванъ—а на закупку съ 1-го Января по 1 Июля.

13) Контора, продавая владѣніи капиталомъ на текущій счетъ и на опредѣленные сроки, платитъ вкладчикамъ подлѣ процента болѣе чѣмъ на тѣхъ же условіяхъ платитъ Одессе и Киевскѣ Банки.

14) За продажу акций и процентныхъ бумагъ Контора засчитываетъ въ свою пользу коммиссіонныхъ $\frac{3}{4}\%$ и за покупку $\frac{1}{4}\%$ процента.

15) За денежныя порученія по выкупу (casso), авансамъ, переводамъ денегъ, по оборотамъ акціями, облигациями и векселями, Контора считаетъ $\frac{1}{4}\%$ коммиссіонныхъ.

в) По закупкѣ товаровъ на комиссію и по Экспедиціоннымъ порученіямъ.

16) За закупку внутри Имперіи или же за границей и высылку товаровъ и продуктовъ, шпѣ сырыхъ, такъ и фабричныхъ и всѣхъ другихъ материаловъ, Контора получаетъ за комми-

Черного моря было местом летних выездов из Боровки жены Эмерика Маньковского с детьми, которая, например, в 1860 г. «с двумя младшими детьми выехала в Одессу на купания». Шурин же Эмерика Маньковского, Леон Липковский (муж Кристины Маньковской), вспоминает о семейном путешествии в Одессу в 1863 году: «Во избежание репрессий со стороны правительства и волнений среди крестьян в том году много зажиточнейших помещичьих семей со всей Руси укрылось в Одессе».*

Леон Липковский пишет, что в конце 60-х годов XIX века ради спасения сильно расшатанного здоровья своего брата Валериана и чтобы заставить его поехать за границу для лечения и, прежде всего, отдыха, Вацлав Маньковский приобрел у него хорошо развивающуюся Хлебно-комиссионную контору в Одессе, которую значительно расширил.**

Однако же в действительности Вацлав Маньковский не приобрел Хлебно-комиссионную контору, а унаследовал ее по смерти брата в 1871. Вацлав владел в Одессе в 1873 году хлебной конторой и тремя складскими постройками. Магазины располагались на улицах Грузовой, Выездной и Прогонной. На въезде в Одессу с южной стороны был обустроен перевалочный складской пункт, чтобы освободить город от обременительного проезда многочисленных груженных подвод. Оттуда зерно транспортировалось непосредственно в порт. Об этом процессе и о положении Вацлава Маньковского как одного из ведущих игроков на рынке зерна в Одессе писала издаваемая в Варшаве «Газета торговая»:

* Leon Lipkowski, *Moje wspomnienia...*, s. 117.

** Leon Lipkowski, *Moje wspomnienia...*, s. 51.

Вацлав Северинович Маньковский

«В вопросе управления транспортировкой зерна наблюдается сосредоточение этой торговли за городом в местности под названием Тираспольская застава. Находящиеся здесь 150 складов, пустые в прошлом году, сейчас сданы внаем. Главным поводом такого оживления является ответвление одесской железной дороги, ведущее от упомянутой местности к морю. На эстакадной дороге значительнейшие зерновые комиссионеры, такие как Маньковский, Перец и другие, пооткрывали филиалы своих контор».*

Заметка об одесской конторе Вацлава Маньковского находится также в опубликованном в 1876 году «Варшавской библиотекой» описании Подолья: «[...] за Черневцами большие волости Боровка, Моевка Маньковских благоустроены образцово. Их собственники много лет тому назад основали сахарную фабрику, тысячи моргов засевают свеклой и счастливо ведут дела. Имеют в Одессе торговую контору с большим капиталом; покупают через агентов, имеющих в каждом уезде, всяческие продукты, дают за них задатки, и уже несколько лет незаурядно извлекают выгоду».** Сама контора (бюро), согласно адресным данным, с 1877 года находилась по адресу Театральный переулок, 8, в доме Боффо.

Принципы работы конторы, пребывающей в собственности Вацлава Маньковского, подробно представлены в регистрационном документе сего предприятия – «Судо-комиссионная контора В. Маньковского Одесса; Круг действия и условия Конторы по свидетельству I-й гильдии под Firmoю В. Маньковский в Одессе». [Одесса, 1874].***

Согласно документу, контора занималась посредничеством и логистикой «всяких сельско-хозяйственных продуктов и фабричных произведений», выдавала кредиты и ссуды под наличные и ожидаемые товары, принимала вклады капиталов, торговала акциями и процентными бумагами, осуществляла платежи и переводы денег. Кроме того, контора покупала по поручению клиента товары, в том числе оборудование, за границей или

* Gazeta Handlowa, nr 184, 10/22 sierpnia 1876, s. 2.

** Podole przez J. Krauzego («Podolanina»), «Biblioteka Warszawska. Pismo poświęcone naukom, sztukom i przemysłowi», listopad 1876, t. 4.

*** Российская государственная библиотека, Москва, шифр 18.115.7.347.

в других городах империи, осуществляла их доставку. Клиент мог иметь собственный счет в конторе. Отдельной статьёй была торговля солью и английскими мешками: «По желанию многих клиентов Контора моя приобрела до 50.000 английских мешков [...] По желанию комитентов могут быть партии таких же мешков с марками их имени выписаны из Англии ценою около 50 р. за сотню, – ибо мешки с маркою фирмы, во избежание путаницы, не продаются».

Въезд в дом Боффо. Театральный переулок

Однако прежде чем выдающимся представителем Маньковских в черноморской торговле в период трех последних декад XIX века стал Вацлав Маньковский (1820-1905), важную роль в этой отрасли сыграл его младший брат Валериан Маньковский (1828-1871).

Валериана Маньковского избрали предводителем дворянства Ямпольского уезда, но после отправки в 1862 г. письма подольской шляхты (в котором уездные предводители верноподданным образом обращались к царю Александру II с просьбой об административном объединении «нашей провинции» с Царством Польским – также частью Российской империи) вместе с другими подольскими предводителями дворянства он был арестован и выслан в Петербург. Оттуда по завершении процесса и амнистии весной 1863 г. ему было позволено переселиться в Одессу. ****

Сохранилась обширная переписка Валериана Маньковского с женой – со времени пребывания в Петропавловской крепости в Петербурге и более поздних лет из Одессы. Валериан Маньковский, описывая жене различные варианты планируемой ею поездки из Подолья в Петербург, среди прочего, писал: «Если же

**** Leon Lipkowski, *Moje wspomnienia...*, s. 54.

Валериан Северинович Маньковский

к этому времени обстоятельства заставили Вас выехать в Одессу, то и оттуда добраться сюда можно Дунаем в Вену, Берлин и сюда. Поездка-то далекая, но более удобная и связана уже с чистым удовольствием, поскольку можно себе неторопливо и удобно ехать».*

Освобождение Валериана Маньковского из Петропавловской крепости сопровождалось запретом на проживание в собственном поместье. Валериан поселился в Одессе – городе, обеспечивающем надлежащий уровень жизни, находящемся наиболее близко к юго-западным границам Российской им-

перии, в городе с многочисленным обществом поляков, живущих там постоянно или временно.

Представителями польского окружения были, например, крестные родители родившегося в 1864 году сына Валериана Маньковского Пиуса. Его крестили в одесском костеле, и крестными родителями были Зенон Бжозовский и Роза Собанская.**

Леон Липковский пишет, что Валериан Маньковский как человек необычайно активный, трудолюбивый и внимательный к нуждам общества, не желая сидеть в Одессе бездейтельно, приобрел у Ансельма Ивашкевича*** хлебно-комиссионную конто-

* Письмо от 11 марта 1863 г.; переписка в распоряжении семьи.

** Державний архів Хмельницької області, ф. 230, оп. 1, д. 4527, родословные материалы Маньковских, л. 51 об.

*** Август Иванский старший (Pamiętniki 1832-1876, Warszawa, 1968, s. 55) описывает Ансельма Ивашкевича – обремененного исключительным положением зернового комиссионера из Одессы, «бывшего сибирского изгнанника». (К слову, бывшим сибирским изгнанником был также работавший у Валерия Маньковского кассиром Кароль Сероцкий.) Ансельм Ивашкевич (род. ок. 1785) был сыном Игнация и Анны Липковской. В 1812 участвовал в битвах под Смоленском, Можайском, Чериковом и над Березиной на стороне Наполеона. За

ру и, преследуя цель вытащить многих земляков из рук ростовщиков, выменял ее на ссудо-комиссионную контору****.

В письмах из Одессы к жене (проживавшей в родовом имении в Ямпольском уезде на Подолье) доминируют личные вопросы, связанные с воспитанием и образованием детей, собственные «театральные рецензии» – описания культурной жизни Одессы, в которой принимал активное участие, и прежде всего – реляции из повседневной торговой деятельности и связанные с ней размышления. Ниже представлено избранные фрагменты из этой переписки:

«Одесса, 10 мая 1865. Вся пшеница такая мокрая, что пока высушится и выставится на продажу, смело мог бы поехать на несколько дней в Саинку, но предпочитаю напрасно здесь просидеть, чем не вовремя выехать».

«Одесса, 12 июня 1865. Детей обними от меня всех и расскажи им, что видел вчера клоуна, который по цепи, закрепленной на верхушке театральной крыши и другим концом привязанной к забитому возле Английского клуба колу, прошел под самую крышу и, отступая назад, сошел обратно. То же самое повторила потом его жена, позже мальчик лет 8, и наконец, маленькая собачка. [...] В торговле полнейший застой, и, несмотря на наш неурожай, пшеница скорее падает, чем повышается».

«Одесса, 28 января 1866. [...] у меня достаточно проблем и работы, нигде до сих пор не был и целыми днями сижу дома. Два участка на Молдаванке купил, буду на них строиться или нет, еще не знаю, но тем временем камень покупаю. В эти дни все решится. [...] сидеть надо, потому что ежеминутно новые сделки заключаются. Мне кажется, что постройкой склада на Молдаванке неплохое дело совершил, поскольку именно в эти дни решил вопрос, что под моими окнами новую станцию железной дороги сделают, и уже намечают фундамент; если так удержится, то стоимость моего магазина, конечно, удвоится».

принадлежность к Патриотическому обществу был приговорен к ссылке в Сибирь на 10 лет и лишен дворянства. Обвинен в «хранении у себя писем мятежников и переписке с ними», арестован в 1826 и пребывал в заключении в Варшаве и в Петербурге. В 1841 получил право вернуться на родину под строгий надзор полиции. С июня 1856 года проживал в Одессе.

**** Leon Lipkowski, *Moje wspomnienia...*, s. 54.

«Одесса, 4 февраля 1866. Мои дела обстоят следующим образом: участок купил, также часть материала, и вскоре думаю начать строительство склада. Вся операция будет стоить до 7.000 серебряных рублей и должна дать доход по меньшей мере 1.000 серебряных рублей; дело это не плохое, но страшно теперь вкладывать деньги в такие вещи, хотя снова обманываю себя надеждой, что в случае надобности покупателя тотчас на него найду. Одним словом, каждое дело вначале кажется прекрасным, и лишь позже наступает дезиллюзия^{*}; может, так и с этим будет, но уже иначе быть не может, поскольку [работы] уже начаты, и может, именно потому хорошо пойдет, что с большим страхом к этому приступаю».

«Одесса, 1 октября 1866. В торговле значительное ухудшение, и транспортировок на сей момент никаких нет, поэтому сижу и зеваю. Пользуюсь свободным временем и наношу визиты».

«Одесса, 9 ноября 1866. Цены всегда сильно удерживаются, и скоро надеюсь за мою уже 12½ взять. Написал бы больше, но кроме как тебя люблю, больше не о чем».

«Одесса, 7 апреля 1867. Сижу здесь и дожидаясь много пшеницы и барж, которые, полагаю, перед Праздниками не придут, и нетерпеливость мою поймешь, потому что пшеницы в городе попросту нет, и цены уже до 14 серебряных рублей дошли. Такие цены, что даже страх берет, дойдут ли вовремя моя и других, хотя убежден, что цены не спадут, если разве чего-то чрезвычайного не произойдет».

«Одесса, 19 июня 1867. У нас всегда плохо с ценами, от моей задуманной на пшенице прибыли ничего не будет, поскольку два моих судна затопило, так что на целой операции если и будет какой заработок, то чрезвычайно малый, и работа пропала. Но я этим ни на мгновение не огорчаюсь, и всегда этот год считал хорошим, и сидение мое здесь значительно окупится. Работы у меня много, и не знаю, когда к вам приеду. Сижу в конторе, чтобы подвести итоги и в самом деле узнать, что в этом году также заработал. К сожалению, после строгого учета оказалось, что чистыми не более 20.000 серебряных рублей. Слава Господу и за это, но оно далеко от того, что сам себе прежде считал».

* Дезиллюзия – избавление от иллюзии либо ее нехватка.

Примѣчаніе: Прошу всякія письма и бумаги приеылаемыя въ мою
Контору адресовать на конвертахъ и надписывать
на заглавіяхъ писемъ не иначе какъ:

Вацлаву Маньковскому

въ Одессу

Театральная улица, домъ Боффо.

Одесса 1 Февраля 1874 г.

«Одесса, 8 июля 1868. Сообщаю тебе только, что счастливо доехал. Эмерик еще здесь, и только через несколько дней выедет. Януарию скажи, что деньги Эмерик привезет, а им всем – что лучшие надежды на цены на зерно и что кораблей много пришло, поэтому пусть спешат с отправкой».

«Одесса, 28 октября 1868. Торговля полностью спит, и я дремаю».

Валерий Маньковский умер 26 августа 1871 года. В завещании находилось упоминание касательно составных частей его имущества, в том числе недвижимого в Херсонской губернии в городе Одессе, и капитала, инвестированного в торговую контору в Одессе, величину которого, пока находится в торговом обороте, определить невозможно. Общая же стоимость одесской недвижимости Валерия Маньковского, принятой по его смерти Вацлавом, – «хлебной конторы» и складских построек, находящихся за Тираспольской таможней, – в 1871 году была оценена в 32.465 рублей. **

Богатый опыт организации хлебной торговли пригодился Вацлаву Маньковскому во время русско-турецкой войны. Из сохранившихся источников – главным образом писем и статей

** Нотариальное завещание Валерия Маньковского от 14 марта 1871 – в распоряжении семьи.

в польскоязычной и российской прессе – следует, что во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов он сотрудничал с хозяйственным управлением действующей армии. Широкомасштабное предприятие касалось формирования транспортных колонн для войск. Вацлав Маньковский был организатором товарищества, нанимавшего тысячи располагающих подводами крестьян, которые последовали за колонной российской армии по Балканам. В российской прессе происходила широкая дискуссия на предмет того, что крестьяне были использованы Маньковским как лицом, пребывающем во главе транспортного товарищества. Высказывалось предположение, что товарищество «польских панов» не надлежащим образом рассчитывается с чумаками. В то же время было известно, что министерство выдало деньги, и компания выплатила крестьянам положенное им вознаграждение, понеся существенные убытки и не получив значительной части предназначенных правительственных средств. Это может свидетельствовать о том, что между военными и Вацлавом Маньковским существовало некое посредническое звено, которому и ушла часть денежных средств.

Одесский корреспондент издаваемой в Варшаве «Газеты польской» Юзеф Длугош пространно писал об этом деле: «[...] Отплачивая той же монетой, мог бы назвать всех тех, кто в первых руках имели спекуляции с подводами, выражением, использованным Щедриным: слово «Балабайкин» закрепилось в публицистике, означая тип мошенника, тот самый тип, который в городе Москва прославился под названием «Червонный валет». Журналист написал также, предположительно, направляя эти слова к Вацлаву Маньковскому, оказавшемуся жертвой этих самых «Червонных валетов»: «О гений подольский – плохо дело вел!»*

Кроме эпизода, связанного с «Управлением вольнонаемного транспорта действующей армии», Одесса появляется на страни-

* Józef Długosz, Korespondencje Gazety Polskiej, Z Odessy, Treść: Spekulacja na podwodach – Akcyonaryusze, czumacy. Różnica między produkcją a spekulacją. Używanie wyrazu pan, „Gazeta Polska” (Warszawa), nr 143, 27 czerwca 1878 oraz «Gazeta Polska» (Warszawa), nr 147, 3 lipca 1878. Среди прочих, о деле писал также «Russkij Mir», 23 maja/4 czerwca 1878, nr 138, s. 2, издававшийся в Кракове «Czas» – 27 czerwca 1878, s. 3, и, несомненно, местная пресса в Одессе.

цах семейной переписки Маньковских в период революции 1905 года и в 1918 году.

В одном из писем конца 1905 г. сын Валериана Маньковского, Ян (1860-1919), писал: «В субботу получили телеграмму из Одессы о закрытии школ. В воскресенье получили известие о закрытии почт и железных дорог. Должны были в среду ехать в Одессу, часть вещей отправлено [...] сейчас неизвестно когда сможем выехать и где наши вещи»^{**}. Несколькими днями позже писал: «Везде в городах и на станциях стрельба, резня евреев. Воздерживаемся от поездки в Одессу и ждем лучших новостей. Адрес наш в Одессе Херсонская, 48».

В очередном письме того периода (конец 1905 – начало 1906 года) Ян Валерианович Маньковский писал проживавшему в Кракове брату Леону: «Железная дорога работает регулярно. Работникам приказано больше не бастовать. В Одессе военное

^{**} Biblioteka Jagiellońska, rkps sygn. 7659 II, Korespondencja Leona Mańkowskiego, t. 29: 1905, Jan Mańkowski do Leona Mańkowskiego, 17/30 października 1905.

положение и потому порядок: улицы освещены, магазины открыты, трамваи ходят. Правительство берет верх. Революция показала свое бессилие. Надеюсь, что у бюрократии тоже не хватит сил полностью взять верх. Тем временем край разрушен, нищета ужасная, промышленность уничтожена, дорога для немецких капиталов, немецких инженеров, немецких работников открыта».*

Осенью 1906 года волна революции спала. Старший брат Яна Александр (1855-1924) писал к брату Леону (1858-1909): «В Одессе полностью спокойно, и никто бы не догадался, что недавно прошла (она. – **А. М.**) через такие ужасные беспорядки, пожары и погромы».**

Зато уже во время первой мировой войны Ян Валерианович Маньковский в одном из своих публицистических очерков обсуждал вопрос границ «славянского» государства, которое должно было возродиться по окончании первой мировой войны, – с доминирующей ролью поляков и в оппозиции к немецкой культуре и цивилизации. Ян Маньковский заключил, что в границах этого образования должна находиться Одесса: «нужен нам порт, сегодня город еврейский, но в значительной части заложен при помощи помещиков из Руси».

В период революции внук Эмерика Маньковского – Кароль Маньковский (род. 1895) из Красилова на Вольни, после освобождения из заключения у большевиков в Плоскирове (ныне Хмельницкий) перебрался в Одессу. Вступил в формировавшееся здесь польское подразделение – IV-ю дивизию стрелцов ген. Люциана Желиговского.

Также его двоюродный брат Валерий Маньковский (род. 1890), сын Яна, и Эмерик Маньковский (род. 1896) из Боровки отправились в Одессу. Согласно семейным воспоминаниям, их поездка из Винницы в Одессу длилась очень долго, поскольку за неимением угля для работы паровозного котла собирали древесину, и эти 300 верст заняли несколько дней. В Одессе они были приня-

* Biblioteka Jagiellońska, rkps sygn. 7659 II, Korespondencja Leona Mańkowskiego, t. 30: 1906, Jan Mańkowski do Leona Mańkowskiego, 19 grudnia 1905 / 1 stycznia 1906.

** Biblioteka Jagiellońska, rkps sygn. 7660 II, Korespondencja Leona Mańkowskiego, t. 30, 1906, Aleksander Mańkowski do Leona Mańkowskiego, 7/20 listopada 1906.

ты в ту же дивизию генерала Желиговского и весной 1919 г. через Румынию добрались в возрожденную Польшу.***

В конце можно вспомнить о ностальгии и разочаровании Александра Валериановича Маньковского, который в письме к своему далекому двоюродному брату Генрику Маньковскому (1872-1924) из Винногоры 25 июня 1920 года перечислил свои потери, понесенные в результате революции: «Склады в Одессе снесены; занимающие площадь две десятины (без малого) 13 кирпичных зданий, крытых железом, стоимостью 100 тысяч рублей в золоте». Александр Валерианович вспоминал также: «В Русском банке и в Одессе, и в Киеве у меня было много наличных, которых двести тысяч, впрочем, хоть якобы и банки ограблены, книги сохранились».

Также к июню 1920 года относится письмо Юзефа Маньковского (1862-1940) к Александру Маньковскому (оба тогда уже пребывали далеко от родного Подолья), в котором он вспоминал о сыне своего двоюродного брата Яна Маньковского из Саинки, служащем в Войске Польском:

«Валерик шел через Дружин и Березовку, сражался с большевиками в Саинке, был в Боровке, в Моевке**** и сейчас находится в Мурафе, и пишет, что отправляется на Лиман. ...*Надо усердно поработать, потому что наши дети должны привыкнуть к немного другой жизни, чем была у нас*».*****

*** Об этой поездке и Эмерике вспоминает также Елена Кумановская-Кутиловская, которая пишет о «троих панах Маньковских», едущих в поезде из Винницы и делающих мороженое из снега, – Елена Кутиловская из Кумановских (род. 1898 в Кумановцах), *Moje dzieciństwo i młodość z lat 1898-1919*, в: *Teraz będzie Polska, Wybór pamiętników z okresu I wojny Światowej, wstęp, oprac. i przypisy Andrzej Rosner, Warszawa 1988, s. 163*. Эвакуацию польского корпуса из Одессы описывает Генрик Багинский, *Wojsko polskie na wschodzie 1914-1920*, Warszawa 1921, s. 222; ср. также Tadeusz Kawalec, *Historia IV-ej Dywizji Strzelców generała Żeligowskiego w zarysie, Wilno – Kraków 1921*.

**** Саинка, Боровка, Моевка – родовые имения Маньковских в Подольской губернии.

***** Письмо Юзефа Маньковского к Александру Маньковскому, Казимеж Бискуп, 5 июня 1920, в распоряжении семьи. *Ехать на Лиман* по-польски означало отдых на Черном море – но не в Крыму (Крым это Крым).